

Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе

Т. Б. Рамазанов¹, А. Р. Керимова²

^{1,2} Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

¹ ramazanov1945@mail.ru

² tukkii@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при применении меры пресечения в виде запрета определенных действий. Авторами обращается внимание на недостатки действующей системы мер пресечения. Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста" в статью 98 УПК РФ были внесены изменения, а именно внесено дополнение в пункт 4.1, посвященный запретам определенных действий, и добавлена новая статья — статья 105.1, также посвященная запрету определенных действий. Авторы взяли за основу законопроекта конструкцию статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Кроме того, при разработке они учитывали опыт применения домашнего ареста. Стоит отметить, что именно эта мера занимает лидирующую позицию среди всех остальных мер, которые избираются в суде.

Ключевые слова: домашний арест, подсудность, мера пресечения, порядок продления, запрет определенных действий, соразмерность.

Для цитирования: Рамазанов Т.Б., Керимова А.Р. Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 42, № 2. С. 172–176. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-172-176

Original article

Some theoretical and practical issues of applying the prohibition of certain actions in criminal proceedings

Tazhutdin B. Ramazanov¹, Adelya R. Kerimova²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

¹ ramazanov1945@mail.ru

² tukkii@mail.ru

Abstract. The article discusses some of the problems that arise when applying a preventive measure in the form of a ban on certain actions. The authors draw attention to the shortcomings of the current system of preventive measures. Federal Law No. 72-FZ of April 18, 2018 "On Amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with regard to the selection and application of preventive measures in the form of a ban on certain actions, bail and house arrest" amended Article 98 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, namely, adding an addition to paragraph 4.1, dedicated to the prohibition of certain actions, and adding a new article - article 105.1, also devoted to the prohibition of certain actions. The authors took as a basis for the bill the construction of Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In addition, when developing, they took into account the experience of using house arrest. It is worth noting that it is this measure that occupies a leading position among all other measures that are elected in court.

Keywords: house arrest, jurisdiction, preventive measure, extension procedure, prohibition of certain actions, proportionality

For citation: Ramazanov T.B., Kerimova A. R. Some theoretical and practical issues of applying the prohibition of certain actions in criminal proceedings. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 172–176. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-172-176 (In Russ.).

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных дей-

ствий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ введена новая мера пресечения, под названием «запрет определенных действий». Такая необходимость, надо полагать, продиктована пер-

манентным расширением сферы применения мер пресечения и недостаточной эффективностью других мер, не связанных с заключением под стражу.

В целом новая мера пресечения является значимым событием в судебной практике. Это связано с тем, что в УПК вносились изменения, касающиеся регламента избрания судом существующих мер пресечения. При этом собственно меры пресечения не подвергались изменениям со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ. Мер было семь, и они являлись «классическими» [1, с. 18]. Введение данной меры пресечения позволяет решить ряд практических задач связанных: во-первых, с дальнейшей гуманизацией уголовного судопроизводства, во-вторых, повышением эффективности уголовного преследования, и, в-третьих, экономией бюджетных средств и снижением репутационных рисков в связи с вынесением решений Европейским судом по правам человека.

Данная мера пресечения существует уже более трех лет. Судами накоплен определенный опыт ее применения, но отдельные вопросы практики не имеют однозначной интерпретации [2, с. 21]. Это влечет определенные ошибки при вынесении судебных решений, которые становятся предметом рассмотрения вышестоящими судебными инстанциями.

Как мера пресечения запрет определенных действий закреплен в статье 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. По отношению к другим мерам пресечения она находится посередине, становясь промежуточным звеном между более и менее строгими мерами [3, с. 23]. Полный перечень запретов прописан в части 6 названной статьи. Согласно закону количество запретов, которым могут быть подвергнуты подозреваемые, обвиняемые – шесть, но в п. 2 данной статьи предусмотрено три отличных друг от друга запрета: на посещение и участие в некоторых мероприятиях; на приближение к некоторым объектам; на нахождение в некоторых местах [4, с. 45].

Важным является то, насколько данная мера пресечения эффективна. Наши наблюдения показали, что судами Республики Дагестан запрет определенных действий применяется меньше, чем домашний арест. Видимо, все новое внедряется с трудом. Объяснение этому – отсутствие эффективного контроля над лицами, в отношении которых применяется данная мера пресечения. Опрошенные нами судьи аргументировали свою позицию неуверенностью в наличии жесткого контроля над такими лицами.

Так, А.В.Кудрявцева считает, что запрет определенных действий позволяет увеличить возможность для того, чтобы учитывать специальные и общие условия для применения мер пресечения. Кроме того, по мнению автора, запрет определенных действий, состоит из ряда разных ограничений, что расширяет вариативность применения данной меры пресечения [5, с. 50].

Необходимо также отметить, что эта мера пресечения может применяться в двух разных формах: а) как самостоятельная; б) как дополнительная вместе с другими мерами: домашний арест и залог.

Наши данные, а также вышеизложенные позиции других исследователей корреспондируются со статистическими данными по РФ за 2019 и 2020 гг. Так, в 2019 году судами было удовлетворено: 305881 ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания; 32550 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и продлении срока ее применения; 1796 ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и продлении срока применения данной меры. В 2020 году данные показатели выглядели следующим образом: 279813 ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания; 33687 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и продлении срока ее применения; 5335 ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и продлении срока применения данной меры [6]. Приведенные показатели демонстрируют малое число применений в качестве меры пресечения запрета определенных действий в сравнении с более жесткими мерами пресечения, но при этом наблюдается тенденция роста удовлетворения таких ходатайств.

Критически высказываются в отношении рассматриваемой меры пресечения и ряд других ученых-процессуалистов. Так, доктор юридических наук профессор Н.Н. Апостолова высказывает мнение о том, что «прямая трактовка части 1.1 статьи 97, части 8.1 статьи 106, части 7 статьи 107 УПК РФ допускает комбинированное применение совместно с запретом определенных действий других мер пресечения, что создает риск множественного ограничения прав обвиняемого» [3, с. 23].

В приведенных выше примерах по отношению к подозреваемому или обвиняемому можно применить одновременно две меры пресечения вместо одной. Стоит отметить, что это противоречит самому принципу применения мер пресечения и может привести к определенным проблемам на практике. Так, в отношении М.А. Винтер, обвиняемой в совершении пяти преступлений, одно из которых является особо тяжким, была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Также суд счел, что, исходя из тяжести преступлений, в совершении которых предъявлено обвинение, в совокупности с данными о личности обвиняемой, имеются достаточные основания полагать, что в случае отсутствия предусмотренных законом запретов и ограничений, устанавливаемых на период домашнего ареста, у обвиняемой М.А. Винтер будет

иметься реальная возможность воздействовать на свидетелей совершенных преступлений с целью склонения к изменению показаний. В отношении обвиняемой были установлены запреты в виде: посещения любых общественных мероприятий и участия в них; общения со свидетелями по настоящему уголовному делу; отправления и получения почтово-телеграфных отправлений; использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; разрешения обвиняемой М.А. Винтер ежедневных прогулок с 10 до 12 часов при отсутствии нарушений действующего законодательства РФ и Краснодарского края, с правом посещения ближайших магазинов и аптек [7].

Учитывая то обстоятельство, что в условиях Дагестана особое значение придается мероприятиям, связанным со свадебными обрядами и их посещению, то наибольшее число нарушений связано с запретом посещать подобные мероприятия. В других регионах могут быть нарушения иного характера. Таким образом, встает вопрос о необходимости разделения залога, домашнего ареста и запрета на определенные действия. По действующему законодательству домашний арест представляет собой изоляцию обвиняемого от общества в специализированном учреждении или в жилом помещении. Закон не использует ранее существовавшие термины «полная изоляция» или «частичная изоляция». В новой редакции статьи 107 УПК РФ речь идет о том, что обвиняемый или подозреваемый не сможет при этой мере пресечения выходить за пределы помещения (жилого и лечебного). Когда судья все-таки разрешает этому лицу выходить за пределы одного помещения, должна быть избрана другая мера пресечения, а точнее, запрет на определенные действия. Запрет определенных действий может включать в себя некоторую свободу передвижения, в то время как домашний арест такой свободы не предполагает. Подозреваемый или обвиняемый в этом случае обязан находиться в пределах одного помещения (жилого или лечебного).

Поэтому при применении домашнего ареста нет смысла говорить о таких запретах, как управление автомобилем, выход из помещения, посещение определенных мест и т.д.

Различие этих двух мер пресечения также состоит в сроках их избрания. Например, срок домашнего ареста совпадает со сроком заключения под стражу. Запрет определенных действий в случае совершения преступлений небольшой и средней тяжести избирается максимум на срок 12 месяцев, в случае совершения тяжких преступлений – на срок 24 месяца, особо тяжких преступлений — на срок 36 месяцев.

Надо сказать и о том, что дифференциация залога с запретом определенных действий и собственно запрет определенных действий также вызывают определенные трудности.

Как известно, такая мера пресечения как «запрет» применяется для обеспечения явки обвиняемого или подозреваемого в суд (к дознавателю, следователю) и предупреждения с их стороны противоправных действий. Такую же цель преследует применение меры пресечения «запрет определенных действий». Добавление к этим положениям обязательств, которые прописаны частью 6 статьи 105.1 УПК РФ, приведут к тому, что практически невозможно будет понять, какую именно меру из двух перечисленных избрал суд.

Очевидно, что данные меры пресечения на практике будут пользоваться большой востребованностью и даже популярностью, в связи с чем не может не возникнуть вопрос: по какой причине перечисленные запреты не используются при личном поручительстве, присмотре за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым, подписке о не выезде и наблюдении командования воинской части.

В случае если запреты при избрании мер пресечения, перечисленные в части 6 статьи 105.1 УПК РФ, будут выбраны правильно, будет повышена их эффективность, что приведет к дальнейшему повышению их востребованности на практике.

Введение в УПК РФ новой меры пресечения И.П. Бондаренко оценивает как позитивное явление, имея в виду с ее свойство к сочетанию с иными мерами. В то же время он признает, что сочетание рассматриваемой меры пресечения с заключением под стражу и домашним арестом представляется неприемлемым. Задача по расширению практики применения запрета определенных действий, по его мнению, должна быть возложена на суд, поскольку органы предварительного расследования менее заинтересованы в широком применении наименее строгих мер пресечения. Исследователь предлагает дополнить часть 6 статьи 105.1 УПК РФ внесением новых, не предусмотренных указанной нормой запретов, сформулировав их следующим образом: "употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества, играть в азартные игры, совершать иные провоцирующие девиантное поведение действия" [8, с. 26].

Принятие новой меры пресечения должно было нивелировать статистику применения более строгих мер пресечения, особенно заключение под стражу, домашний арест или залог, однако, как считают О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю.Епихин, «такая мера пресечения небезопасна и не исполняет функцию по реальному ограничению человека от конкретных действий» [9, с. 227].

Фактически при выборе тех или иных запретов нет гарантии, что подозреваемый или обвиняемый может повторить или совершить иное действие, нарушающее права других граждан, на которые эти запреты направлены.

По сей день многие ученые и практики выражали недовольство фактической реализацией

предложенных профилактических мер в «жизнь», поскольку проконтролировать выполнение установленных запретов, особенно тех, нарушение которых носит латентный характер, крайне сложно.

Также существует мнение, согласно которому для реализации предложенной нормы необходимо привлечение к правоохранительным органам дополнительных сил и средств, так как помимо технических средств контроля необходимо проводить регулярные рейды в отношении всех лиц, подвергнутых применению меры пресечения в виде ограничения на совершение определенного действия. Однако в настоящее время данное предложение нереально исполнить, так как расширение штата правоохранительных органов представляется нецелесообразным [10, с. 18].

В результате проведенного анализа нами сделаны следующие выводы:

1. Необходимо рассмотреть вопросы, связанные со сроком запрета на управление транспортным средством и общим сроком наказания с лишением права управления транспортным средством. Срок запрета нужно включить в срок последующего наказания и сделать это по аналогии с запретом на покидание

места жительства и дальнейшего наказания в виде лишения свободы.

2. Часть 8 статьи 105.1 УПК РФ нуждается в корректировке и изложении в следующей редакции: «Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, дознавателем, защитником и контролирующим органом...».

3. Надо расширить перечень запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ за счет включения запретов на употребление алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, компьютерные игры или азартные игры.

4. Принятие норм УПК РФ, предусматривающих применение новой меры пресечения должно сопровождаться совершенствованием технических средств и решением кадровых вопросов. Без комплексного решения рассмотренных вопросов указанные нормы будут иметь исключительно декларативный характер.

Список источников

1. Цветкова Е.В., Симагина Н.А. К вопросу о введении новой меры пресечения в виде запрета определенных действий // Современное право. 2019. № 7-8. С. 133–137.
2. Стельмах В.Ю. Мера пресечения «запрет определенных действий» // Российский следователь. 2020. № 2. С. 21–22.
3. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. N 3. С. 23 - 25.
4. Уткина С.С. Запрет определенных действий. Обзор региональной судебной практики // Уголовный процесс. 2021. №11. С. 45–47.
5. Кудрявцева А.В. Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 50–52.
6. Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13>. (дата обращения: 12.01.2022).
7. Постановление № 1-127/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-127/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tB58MZVrn2lt/>. (дата обращения: 12.01.2022).
8. Бондаренко И.П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26–30.
9. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определённых действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 226–230.
10. Челищева В. Запрещаю вам звонить и писать! // Новая газета. 2018. № 1. С. 18–19.

References

1. *Cvetkova E.V., Simagina N.A.* K voprosu o vvedenii novej mery presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij [On the introduction of a new preventive measure in the form of a ban on certain actions], *Sovremennoe pravo [Modern law]*, 2019, no. 7-8, pp. 133 - 137.
2. *Stel'mah V. Yu.* Mera presecheniya «zapret opredelennyh dejstvij» [Preventive measure "prohibition of certain actions"], *Rossiiskij sledovatel' [Russian investigator]*, 2020, no. 2, pp. 21-22.
3. *Apostolova N.N.* Zapret opredelennyh dejstvij v sisteme mer presecheniya [Prohibition of certain actions in the system of preventive measures], *Rossiiskaya yusticiya [Russian justice]*, 2019, no. 3, pp. 23 - 25.
4. *Utkina S. S.* Zapret opredelennyh dejstvij. Obzor regional'noj sudebnoj praktiki [Prohibition of certain actions. Review of regional judicial practice], *Ugolovnyj process [Criminal process]*, 2021, no. 11, pp. 45-47.

5. Kudryavceva A.V. Sozdanie apellyacionnyh i kassacionnyh sudov povysit avtoritet sudebnoj vlasti [The creation of appeal and cassation courts will increase the authority of the judiciary], *Ugolovnyj process [Criminal process]*, 2019, no. 2, pp. 50-52.

6. Sudebnaya statistika RF. (In Russ.). Available at: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/15/s/13>. (accessed 12.01.2022).

7. Postanovlenie № 1-127/2020 ot 30 iyulya 2020 g. po delu № 1-127/2020. (In Russ.). Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/tB58MZVrn2lt/> (accessed 12.01.2022).

8. Bondarenko I.P. Osobennosti primeneniya kombinirovannyh mer presecheniya v kontekste vnedreniya v ugolovnyj process zapreta opredelennyh dejstvij [Features of the use of combined preventive measures in the context of the introduction of the prohibition of certain actions into the criminal process], *Rossijskij sledovatel' [Russian investigator]*, 2021, no. 1, pp. 26–30.

9. Andreeva O.I., Zajcev O.A., Epihin A.Yu. Zapret opredelyonnyh dejstvij kak novaya mera obespecheniya bezopasnosti lichnosti v ugolovnom processe [Prohibition of certain actions as a new measure to ensure personal security in criminal proceedings], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2018, no. 436, pp. 226-230.

10. Chelishcheva V. Zapreshchayu vam zvonit' i pisat'! [I forbid you to call and write!], *Novaya Gazeta*, 2018, no. 1, pp. 18-19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рамазанов Тажутдин Бурганович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: ramazanov1945@mail.ru*

Керимова Аделя Рафиковна, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: tukkii@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.04.2022 г.; одобрена после рецензирования 12.05.2022 г.; принята к публикации 17.05.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ramazanov Tazhutdin Burganovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: ramazanov1945@mail.ru*

Kerimova Adelya Rafikovna, post-graduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: tukkii@mail.ru*

Received 30.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 17.05.2022

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.